

З.А.Сокулер

Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко

Философия и методология науки являются признанной и престижной областью философских исследований, за которой стоит достаточно большая традиция. Мыслители, внесшие наиболее заметный вклад в эту сферу исследований, имели по большей частью физическое образование, а зачастую сами были крупными физиками. Люди с другим образованием представлены в философии науки значительно меньше. Поэтому надо отдавать себе отчет в том, что современная философия науки фактически является философией физики. Философская рефлексия над методологическими основаниями гуманитарного знания более молода и не имеет за собой такой сложившейся традиции, как философия и методология физико-математического знания. Поэтому подчас первая демонстрирует некоторую наивность по сравнению с последней, и это указывает на настоятельную необходимость развивать методологию гуманитарного познания.

Большой вклад в эту методологию внес известный французский философ и культуролог Мишель Фуко. Вся его деятельность была направлена на показ того, что та реальность, в которой мы живем, включая людей со всем тем, что в них, как кажется, задано самой природой, вовсе не является само собой разумеющейся, очевидной, и существующей от природы и от века. Фуко принадлежат работы по истории тюрьмы, клиники, психиатрической лечебницы, а также отношения к сексу и регулирующих его норм. В этих работах он показывает, что данные учреждения и нормы, кажущиеся современному человеку извечными и совершенно естественными, формировались при определенных социальных отношениях и в определенных структурах распределения власти. А то, что они представляются из-

вечными и естественными, влияет и на то, каким образом **человек представляет самого себя как естественную данность**. В центре внимания Фуко всегда лежали процессы, в которых человек конституирует себя как объект познания и одновременно как субъект этого познания.

Фуко заявляет, например, что «сексуальность — продукт XIX в.». А то, что возникло в определенную эпоху, при определенных условиях, может и измениться. Размышляя над задачей философии, Фуко говорит: «Не в том ли состоит ее дело, чтобы узнавать — вместо того, чтобы узаконить уже известное, — как и до какого предела можно было бы мыслить иначе»¹. В самом деле, что такое философская деятельность как не критическая работа мысли над самой собой? Это означает, что философия должна исследовать истоки сложившегося знания и его структур и попытаться понять, может ли имеющееся знание о человеке строиться иначе.

Центральным понятием методологии социо-гуманитарного познания, которую строит Фуко, является, пожалуй, понятие **дискурса**. Это может быть текст или высказывания, но также — и скорее — тип или серия текстов и высказываний, функционирующих в одной и той же системе отношений. Например, дискурс клинической медицины — это тексты, высказывания, речи, продуцируемые в определенной институциональной ситуации определенными людьми, наделенными правом продуцировать подобные дискурсы. В самом деле, рассуждения о болезнях и их лечении, принадлежащее нашему соседу или родственнику, не являются дискурсами клинической медицины. Мы были бы склонны выделять дискурсы как тексты и речи, посвященные одному определенному сюжету или содержащие одно и то же понятие. Но Фуко в своих исследованиях стремится показать, что дело обстоит противоположным образом: конституирование определенного типа дискурса продуцирует соответствующий предмет или понятие.

Возьмем, например, такое понятие как «автор». На первый взгляд, совершенно очевидно, что каждый текст имеет своего автора. Если есть текст, то должен существовать и его автор, — определенная личность или группа личностей. Однако Фуко показывает, как непросто и неочевидно понятие автора. Действительно, текст может анализироваться как самостоятельный объект. В нем вовсе не обязательно высказывает

ся и выражает себя автор. И Фуко спрашивает вместе со структуралистами: какое значение имеет то, кто именно говорит? Какое значение имеет автор? Структуралистский подход рассматривает произведение как самостоятельный объект. Текст, в силу своей собственной структуры, может выражать самого себя, а не чувства и намерения своего автора. Фуко согласен со структуралистской критикой, показывающей, что текст не обязательно рассматривать как выражение мыслей и чувств автора. Но в то же время он не склонен и признавать то «открытие», что текст есть самостоятельный объект, не зависящий от того, кто и с какой целью его создал. Позиция Фуко иная. Он в принципе не рассматривает автора или текст как какие-то естественные данности, относительно которых можно делать «открытия». Тогда что же это такое? Функции дискурсов. Фуко и говорит не об авторе, но о «функции автора».

Некоторые виды дискурсов — например, литературоведческие исследования, — определяют, что такое автор и какое он имеет значение. Это происходит при использовании понятия «труды». Что это такое, если бы не было их автора? На основании чего выделялась именно такая, а не иная совокупность под названием «труды де Сада», если бы совсем не имело значения то обстоятельство, что Сад является их автором? И что означала бы тогда такая деятельность, как установление подлинности произведения? Подчеркну, что речь у Фуко идет не о том, что авторы на самом деле существуют, и потому литературоведческие исследования обязаны принимать это в расчет. Нет, речь идет о том, что есть сложившаяся практика литературоведческих исследований, которая известным образом определяет, что такое автор и какое значения для понимания произведения имеет его личность.

В дискурсах разного рода, соединяющихся в разные группы, авторство приобретает различное значение. Так, обнаружение нового, ранее неизвестного текста Маркса или Фрейда изменит представления о марксизме или психоанализе. Решающее значение для отношения к данному тексту будет иметь то, что он действительно принадлежит данному автору.

Однако причина этого лежит не в том, что автор как естественная данность и естественная причина текста имеет решающее значение для его понимания и оценки. Ничего естественного и само собою разумеющегося тут нет. Сам факт, что здесь авторство имеет решающее значение, есть одно из правил тех

дискурсов, которые сформировались текстами Маркса и Фрейда и практикой их обсуждения. В них предполагается постоянное возвращение к текстам основоположников и проверка «чистоты» идущей от них традиции. Для контраста Фуко ссылается на пример дискурса иного типа. Обнаружение нового, ранее неизвестного текста Галилея или Ньютона ничего не изменит в классической механике, несмотря на то, что Галилей и Ньютон являются ее основоположниками. Изменится представление о них, но не о механике. Так что тут мы имеем дело с дискурсом, функционирующим по иным правилам, и в нем совсем другое значение имеет то, «кто говорит». Согласно непобедимой склонности здравого смысла, мы исходно были склонны считать, что «автор» — простая данность, физический объект, являющийся причиной существования другого физического объекта — текста. При таком понимании гуманитарные науки, такие как литературоведение, история, философия и др. изучают эти реальные физические объекты — авторов и тексты — и отношения между ними. Фуко же показывает, что данные науки, вместе с другими дискурсами, *эти объекты создают. И в принципе дискурсы могли бы быть другими.* Тогда они продуцировали бы другие объекты.

Дискурс есть нечто гораздо большее, чем просто текст или речь. Скорее, это есть текст вместе с той социальной практикой, к которой он принадлежит и которая определяет способ обсуждения некоторой темы, образцы постановки проблем и подхода к ним, оправдания, обоснования, связи с другими темами и пр. Т.е. это нормативная практика, содержащая внутри себя определенную систему *правил.*

Принципиальное значение для методологии Фуко имеет анализ возможно более полной совокупности дискурсов, включающих определенную тему или понятие. Например, при исследовании истории современной пеницитарной системы Фуко использует документы, касающиеся планировки тюремных зданий или распорядка дня в них. Фуко указывает, что, изучая тексты, надо изучать не только их выразительные возможности или формальные трансформации, но и модальности их существования. В самом деле, текст может существовать как элемент научной практики, как общеобязательное предписание или, напротив, как формулировка обязательств, которым добровольно подчиняют себя некоторые избранные. Например, и в античности, и в средние века, и в новое время раздавались призывы к сексуальной умеренности и воздержанию. Это могло бы породить

иллюзию, что отношение к сексу и связанные с ним нормы и ценности являются вечными и обусловленными самой природой. Но дело в том, — показывает Фуко, — что в разные эпохи этот призыв был элементом разных дискурсов, имевших разную модальность существования. Для античности, это была проблема самосовершенствования и самообладания, соответствующая высокому социальному статусу свободного взрослого мужчины; в средние века — забота о спасении души; в новое время — забота буржуазной семьи о своей наследственности.

Представляется, что понятие дискурса у Фуко можно пояснить по аналогии с понятием «языковой игры» Витгенштейна. Отличительной чертой языковых игр является нерасторжимое единство языка, его употребления и определенной деятельности, причем образцы и нормы языкового поведения неотделимы от образцов и норм конкретного вида деятельности. Слова приобретают свое значение лишь в контексте определенной деятельности — такова, пожалуй, центральная идея, выражаемая в понятии языковой игры. Языковые игры — это формы, в которых язык, по выражению Витгенштейна, «живет». Тогда как рассмотрение языковых выражений, вырывающее их из контекста употребления в определенных предметных практиках, способно порождать серьезные затруднения и ложные представления. Дело в том, что значением слов является именно их употребление. Когда же рассматривается не работающий, т.е. не употребляющийся язык, а язык «на отдыхе» (как выражался Витгенштейн), тогда и создается иллюзия, что значение слова есть некий независимо от языка существующий (реальный или идеальный) объект, а связь языкового выражения с обозначаемым им предметом осуществляется в своеобразном акте «крещения» данного объекта.

Показывая, что значение слова есть его употребление, Витгенштейн приводит ставший классическим пример слова «игра». В самом деле, есть ли такая определенная сущность (или род объектов), которая составляет объект, «крещенный» словом «игра»? Можно ли назвать все признаки, свойственные играм, и только им? Или же «игра» — это просто все то, что принято называть игрой? Так что «игры» не существует вне и помимо различных употреблений этого слова? Представляется, что Фуко указывает на что-то подобное, показывая, например, что «сексуальность» — это не органическая характеристика человека, независимая от того, каким образом мы о ней говорим и дума-

ем. Это не данность, *обозначенная* словом «сексуальность», но *результат* употребления этого слова в совокупности разнообразных дискурсов.

Витгенштейн отмечал, что в разных языковых играх одни и те же слова имеют разные употребления, и это означает, что они фактически имеют разные значения.

При этом важно, что языковые игры могут быть очень разными, например: приказывать и исполнять приказы; описывать внешний вид предмета и его размеры; изготавливать предмет в соответствии с описанием; докладывать о ходе событий; строить предположения о ходе событий; выдвигать и доказывать гипотезу; сочинять; притворяться; отгадывать загадки; шутить; переводить с одного языка на другой; просить; благодарить; проклинать; приветствовать; молиться и т.д. Всему этому неограниченному многообразию соответствуют свои формы и типы «значения».

Фуко постоянно показывает, как по-видимости одно и то же понятие, например, человек, живое существо, знак, функционирует в различных дискурсах в разные эпохи, доказывая, что для различных дискурсов *различным оказывается и их объект*. Так, «человек», о котором говорит философия и гуманитарное познание XIX–XX вв. — это совсем не тот персонаж, к которому относятся характерные для Просвещения рассуждения о человеческой природе. А «жизнь», о которой говорит биология XIX–XX вв. — не тот же объект, что растения и животные, о которых говорит естественная история XVIII в.

Фуко осуществил целую серию историко-научных и историко-культурных исследований, вдохновленных идеей проведения своего рода «археологических раскопок» предыстории понятий, используемых для описания человека в различных аспектах его биологического и социального бытия. Такова ведущая идея его «археологии знания»: не брать понятия как простые ярлыки для обозначения от века существующих и независимых от их восприятия в культуре данностей, но в ходе «культурологических раскопок» вскрыть их происхождение и законы функционирования.

При этом в его более поздних работах анализ дискурсов обогатился таким существенным аспектом, как рассмотрение их в неразрывной связи с отношениями *власти*. Он рассматривал широкий класс дискурсов как дискурсы осуществления власти. В число таких дискурсов включаются, например, осмотр

лечащего врача и опрос им больного, тюремный распорядок или архитектурные принципы устройства исправительных заведений, закрытых учебных заведений или клиник.

Учреждения такого рода — Фуко называет из «дисциплинарными институтами» — создают особое «дисциплинарное пространство». Пространство внутри тюрьмы, казармы, больницы, психиатрической лечебницы, учебного заведения заполняется людьми, которым вменяется обязанность — под страхом наказания того или иного рода — подчиняться правилам внутреннего распорядка, т.е. соблюдать требующуюся данным учреждением дисциплину. Человек во всех заведениях такого типа несвободен. Он — объект отношения власти. Это отношение пронизывает все дисциплинарное пространство: даже архитектура подобных заведений подчинена стремлению сделать находящегося в нем человека объектом непрерывного надзора и контроля.

Принципы этой дисциплины, в частности, размещения людей в таких пространствах (что равнозначно их классификации) воплощают представления властной инстанции о своих функциях и об объектах их осуществления. Следовательно, тут мы имеем дело уже не просто с властными отношениями, но с особым образованием, для которого Фуко ввел термин «власть-знание». Это такое знание, которое непосредственно определяется целями и задачами власти и присущим ей аспектом видения своих объектов. Если верно, что любое познание само формирует свой предмет познания, то же самое делает и власть. Она изучает подвластных ей людей, но, образно говоря, не как вещи в себе, а как явления в определенных дисциплинарных институтах. Помещение людей в дисциплинарные институты и навязывание им определенных режимов — это есть один из способов, какими власть «укладывает» явления в свою, образно говоря, «априорную форму созерцания». Разумеется, и проявления власти, и формы существования власти-знания шире, чем дисциплинарные институты. Однако на примере дисциплинарного института проще всего пояснить понятие власти-знания. Недаром власть, сложившаяся в новое время, тяготеет к созданию дисциплинарных институтов

Власть-знание — это такое знание, которое развивается и обогащается путем сбора информации и наблюдений за людьми в функции объектов власти — например, находящихся в специфической и достаточно неестественной ситуации дисциплинарного института. Фуко подчеркивает, что одна из функций всех дисциплинарных институтов современного общества — это сбор стати-

стических данных и создание определенных массивов знаний о своих объектах. Власть-знание — это также и власть, существующая и реализующая себя в форме знания — особого знания о людях, неразрывно связанного с существованием и воспроизводством властных структур.

Дисциплинарная власть формирует *власть нормы*. *Норма* становится *принципом принуждения*. Дисциплинарная власть вырабатывает также особую технику для постоянного контроля над соответствием своих объектов заданной норме. Это *смотр* (в частном случае — медицинский осмотр или экзамен в учебном заведении). В смотре-осмотре-экзамене наиболее явным образом сочетаются отношения власти и отношения знания. И такая парадигма, по утверждению Фуко, существенно повлияла на дальнейшее развитие знания о человеке.

Так, на развитие медицинского знания оказала решающее влияние организация госпиталя как «аппарата осмотра». Это сформировало медицину как деятельность с объектами (человеческими телами) которые постоянно «открыты для осмотра».

Школа становится в XVIII в. аппаратом для непрерывной экзаменовки. Если в средневековом институте ученичества корпорация контролировала только конечный результат, то школа Нового времени состоит из непрерывных экзаменов. Процедура экзаменовки встроена в сам процесс обучения, составляет его органическую часть. Эта ситуация дала начало педагогике как науке.

В процедуре смотра-экзамена обращают на себя внимание следующие специфические черты. Традиционно, *себя демонстрировала власть*. *Это на нее, пышно украшенную знаками и атрибутами власти, надлежало смотреть управляемым*. Смотр переворачивает это отношение. *Власть заставляет свой объект демонстрировать себя*. Она налагает на подвластных «обязанность быть осматриваемыми». *Смотр-экзамен также вводит индивида в поле документирования*. Результаты смотров, осмотров и экзаменов записываются, сохраняются, собираются досье, архивы. Регистрируются симптомы, болезни, поведение, способности, достижение в выполнении заданий и овладении знаниями и навыками и т.д. Если раньше честь быть записанной и внесенной в архивы принадлежала только власти, то в новое время это отношение обращается. Если раньше запись была знаком отличия, она делалась для памяти и возвеличивания, то теперь она становится инструментом объективации и подчинения. Смотр и запись конституируют индивида как «объект описываемый».

Смотр и документация переворачивают также и отношение индивидуализации. Если в прежних формах власти, включая и монархическую, индивидуализировалась власть, а ей противостояла масса подданных, то теперь процедура смотра и записи превращает каждого индивида в «казус» и как таковой он становится объектом власти и знания. Индивидуализируется уже не власть, а подчиненные.

Это имеет важные следствия для знания о человеке. Индивидуализируются и описываются прежде всего дети, заключенные, психические больные, вообще больные, нищие, бродяги и вообще люди с отклоняющимся поведением. А когда речь зашла об описании взрослого, психически нормального и законопослушного человека, то и его стали описывать сквозь призму того, что в нем от ребенка, к какой мании он неявно склонен, какое преступление он втайне желал бы совершить. «Все науки, познания и практики, — заявляет Фуко, — в название которых входит корень «психо» находят свое место в этом историческом переворачивании процедур индивидуализации. В тот момент, когда совершался переход от исторически-ритуальных механизмов формирования индивидуальности к научно-дисциплинарным, когда «норма» заняла место «предка», а мера соответствия норме — место статуса, когда место индивидуальности человека известного заняла индивидуальность человека вычислимого, в этот момент и стало возможным формирование наук о человеке, ибо именно тогда была запущена новая технология власти и новая политическая анатомия тела»². «Пора наконец перестать описывать действия власти в терпинах «не»: она-де не дает, не позволяет, исключает, подавляет, запрещает, отрывает, маскирует или скрывает. На самом деле, власть производит; она производит реальность; она производит область своих объектов, а также методов добывания истины относительно них»³.

Размышления Фуко над продуктивной функцией дисциплинарной власти заставляют задуматься над опасностью наивного натурализма в социо-гуманитарном знании, выражающегося в представлении, что это знание относится к самоочевидной и совершенно независимой от процедур построения знания о ней данности — человеку.

¹ **Фуко М.** Жизнь: опыт и наука // *Вопр. философии.* 1993. № 5. С. 53.

² **Foucault M.** *Surveiller et punir: Naissance de la prison.* P., 1975. P. 195.

³ Там же. С. 196.